
Олег Корионов

Круговерть

Рассказы

Кондуктор

Метель играла третий день.

Коммунальщики делали вид, что чистят дороги.

Остановки утопали в снегу.

На узкой полоске между рельсами и шоссе, где надо подбирать живот, чтоб не зацепил вагон, и попу, чтоб не сбила машина, стало совсем неудобно.

Впрочем, машины еле ползли. Трамваи ходили редко.

Город, и так не самый быстрый, сбавил обороты.

И все же жизнь не утихала.

Дверь в «Горилку» моталась туда-сюда. Не умолкали торговые ряды. Манила зеленым глазом аптека.

В половине девятого вечера на трамвайной остановке изнемогали пассажир и кондуктор.

Мелкий очкарик — под пятьдесят, в отделанном овчиной картузе и приталенном пальто — лупился на сдобную молодуху в оранжевом жилете.

Она растопырила руки. И выла, точно самолет на взлете.

Очкарик клял себя за фамильярность — увидел ягодку и подколот:

— Где трамвай забыла?

Нет чтобы пожалеть: жилет, свитер и гамаши — самое то в январскую метель.

Брякнул:

— Можно билетик?

Молодуха шарахнулась от него. Чуть не попала под машину.

Прыгнула обратно на полоску между рельсами и шоссе. Прижала сумку к груди.

И завопила:

— Привыкла, тварь, к одному вагону.

Корионов Олег Анатольевич родился в 1960 году на Урале (г. Красновишерск). Вырос в Самаре. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал на заводе, в редакциях областной, отраслевой и центральной газет, а также в коммуникационных агентствах и государственной концертной организации. Печатался в журналах «Знамя», «Урал». Живет в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 8.

Снег подкрасил ей волосы: они приобрели пегий оттенок. Лишь над левым ухом виднелось каштановое пятно.

Кондуктор впиалась взглядом в очкарика:

— Зенки выдеру!

Отбежала на край остановки. Растопырила руки и завывала.

Он понимал: надо бежать. Но боялся делать резкие движения: в таком состоянии она могла выкинуть что угодно.

«Срубит под колеса. И поминай как звали».

Сглотнул подступивший к горлу комок.

«Стоять — еще хуже».

И застыл.

Молодуха подошла ближе.

Он заметил: каштановое пятно стало пегим.

Хотел успокоить ее, извиниться за глупую шутку. Но кондуктор вновь, как шпагой, пронзила его фразой:

— Зенки выдеру!

Очкарик зажмурился: «Спаси и сохрани...»

Услышал знакомое:

— Привыкла, тварь, к одному вагону.

Задумался: «Ну, ладно: тварь. Но при чем здесь вагон?»

Приоткрыл глаз — кондуктор вытягивала шею, пытаясь разглядеть в метельной гуще номер пазика.

После реплики «погоди, доберусь до депо» облегченно вздохнул.

«Ну конечно! Это не мне, а вагоновожатой. Очевидно, та не увидела, что кондуктор переходит из вагона в вагон, закрыла дверь и понеслась».

Разозлился: «Вот, мамзель, нагнала страху».

Подошел трамвай. Молодуха пошептала о чем-то с кондуктором и скрылась в кабине водителя.

Очкарик тем временем примостился у окошка. Убеждал себя, что весной сядет за руль.

Курам на смех: машина столько лет в гараже, а он все не решается выехать в город. Бойтся, что попадет в аварию или собьет кого-то. Решил: «Буду ездить тихо. Дай Бог справлюсь».

Когда выходил из трамвая, бросил взгляд на кабину водителя. Кондуктор была еще там.

Дома принял душ. Рано лег спать.

Проснулся в отличном настроении.

После завтрака выкурил сигарету. И вместе с пеплом вытряхнул из памяти странный эпизод с молодой.

Прошло десять лет. Очкарику было под шестьдесят. Он потерял работу. И никуда не мог устроиться: всюду брали молодых. Единственным местом, где не отказали, оказалось трамвайное депо.

Оформился кондуктором на двенадцатый трамвай, на котором много лет ездил на работу и обратно.

Как-то январским вечером он пересаживался на остановке из вагона в вагон и задержался: дорога была запружена машинами, и вышедшие пассажиры не сразу покинули полосу между рельсами и шоссе.

Вагоновожатая не заметила кондуктора — его заслонил верзила в куртке. Выхала на перекресток и повела трамвай дальше по маршруту.

Очкарик махал руками, кричал — бесполезно.

Пассажиры, усмехаясь, шли восвояси.

Вскоре он остался на остановке один.

Как и десять лет назад, играла метель. Дверь в «Горилку» моталась туда-сюда. Не умолкали торговые ряды. Манила зеленым глазом аптека.

Однако кондуктор не обращал на это внимания. Он продрог. Не знал, сколько придется здесь торчать.

С опаской глядел на стайку парней у светофора: в сумке была приличная сумма.

Он вытянул шею, пытаясь разглядеть номер пазика. Но ни черта не видел из-за метели.

Шагнул на дорогу.

Раздался визг тормозов.

Женщина — на джипе — что-то кричала ему. Он не слышал.

Она открыла окно:

— Куда прешь, шибздик?

Он, и правда, был жалок. Сутулый. С прижатой к груди сумкой. Мокрая борода свисала, как сосулька. На голове — белая шапка: презент от метели.

Он вернулся на остановку.

Протер пальцами стекла очков.

Удивился, что женщина не уезжает — ей сигналили. Она пристально глядела на него. Ехидно спросила:

— А где трамвай забыл? Рассмеялась.

И добила:

— Можно билетик?

Очкарик опешил.

«Не может быть...»

Он узнал молодуху, которую подкалывал на этом же месте десять лет назад.

Из простоватой смазливой бабенки она превратилась в ухоженную даму в самом соку.

Краем глаза кондуктор увидел, как парни переходят дорогу.

Он вовсе не хотел подыгрывать старой знакомой. Просто вырвалось самой собой:

— Привыкла, тварь, к одному вагону.

Дамочка подмигнула:

— И ты привыкай...

Закрыла окно и уехала.

Он растерянно проводил взглядом машину. Заметил, что парни направляются к нему. Крикнул:

— Зенки выдеру!

Растопырил руки и завыл.

Гена

Таня продала мужа сотруднице ЕИРЦ.

Обтяпали живо. Служащая сбежала в банк и погасила Танин долг за воду. Взамен получила тощего мужчину средних лет с добрыми глазами и редющей макушкой.

— Выгуливать не надо: он неприхотливый, — сказала Таня.

Сделала пару шагов к выходу и обернулась:

— Вещи заберете, когда хотите: адрес есть.

Сотрудница кивнула.

Взглянула на циферблат: «Еще два часа».

Указала приобретенному мужу на диванчик:

— Посиди там.

Нырнула в дверь. Выплыла в кабинке. И вскоре уже разговаривала с очередным посетителем расчетного центра.

Гена уселся между двумя тетками.

Дерматин липкий. Тетки — в теле. Сидеть втроем было неудобно.

Взглянул на талоны соседок, затем — на табло. Ту, что справа, должны были вызвать первой.

«Скорей бы».

Тетка махала рекламным буклетом, как ракеткой.

Он приподнял подбородок: «Лучше по щеке, чем в глаз». И чуть наклонил голову влево.

Вторая соседка, с приторным запахом туалетной воды, сверкнула кламмером и коснулась его ногой в гольфе.

Гена покосился на ее колено: похоже на вилочка капусты.

Вернул голову на место.

Увернулся от буклета.

Сдвинул ступни и колени. Выдержал в этом бабьем положении пару минут. Распахнул ноги и наткнулся на гольф.

«Чтоб тебя...»

Соседка справа вскочила, приложив Гену буклетом по щеке, и понеслась к шестнадцатому окошку.

«Хоть бы извинилась».

Он потерял ушибленное место и отодвинулся от кламмера.

Поглазель на публику.

«Люди измученные».

В другой обстановке они бы, возможно, расцвели. А здесь, в госорганизации, плавались и терпели.

Понаблюдал за новой женой.

«Сойдет. Только нос унылый. Прапра нагуляла».

Попробовал сосчитать, сколько «пра» должно быть с 1812-го года. И, как воробей с ветки на ветку, перепрыгнул с одной мысли на другую.

«Вот сидит сейчас во Франции в подобном учреждении какой-нибудь гоголь и разглядывает дамочку, у которой нос, как земляное яблоко».

«Они нам — грустную морковку, мы им — картошку. Круговорот носов в природе».

Подумал о перемене участи: из семейного гнезда — в чужие лапки.

«Естественный отбор».
Захотелось курить.
Помахал новой жене. Нарисовал в воздухе подкову: «Я сейчас».
Вышел на крыльцо. Спустился по железной дорожке для мамаш с колясками и повернул за угол — в тень.
Дома, выходя на общий балкон, он прятался от солнца у двери на лестницу.
«Интересно, как будет у Леры?»
Новая хозяйка казалась ему женщиной рассудительной.
«От бывшей, — он повертел слово на языке и понуро кивнул, — жди чего угодно».
Вот сегодня: полдничали, он еще чай не допил, а Таня заводит плейлист на планшете. Пляшет и заставляет его дергаться.
Ладно бы пару песен — час!
Гена затынулся.
«Чуть коньки не отбросил».
После танцев подсунил ей счет за воду. Три с лишним года не передавал в управляющую компанию показания счетчиков. А в прошлом месяце сдуру зашел. Ну, и...
Сюрприз удался. Таня заорала:
— Тридцать тысяч?!
Потащила его в ЕИРЦ.
Узнав, что ошибки нет, — «Надо подавать показания вовремя» — взвилась.
Припомнила Гене ежедневные ванны — утром и вечером. Уела мужа:
— Я ипотеку тяну. А ты, гад, уже год работу найти не можешь.
Повернулась к сотруднице ЕИРЦ:
— Вы ЭТО видели?
Служащая оставалась безучастной.
Таня заметила, что у нее нет обручального кольца, и предложила сделку: муж в обмен на долг.
Товар был не ахти, но женщина неожиданно согласилась.
Он усмехнулся: «Словно в ломбард сдали».
Докуривал, когда из-за угла показалась Лера.
Протянула ему тысячу рублей:
— купишь «Тайд» для цветного белья, яблоки, хлеб и вино. Или тебе покрепче?
Гена сунул банкноту в карман:
— Лучше две сухого.
Женщина улыбнулась. Добавила пятьсот рублей:
— Сдачу вернешь. Не телепайся: в восемь закрываемся.
Вильнув попой, скрылась за углом.
Гене вид сзади понравился. Он выбросил бычок и достал новую сигарету.
В воскресенье заехали за вещами.
Таня уже остыла.
Приготовила его любимые драники.
Надела новую блузку — из аутлета.
Как назло, Лера была в такой же.
Бывшая переделалась — в роскошное вечернее платье.
Новой хозяйке Гены крыть было нечем: чужая территория. Может, поэтому на предложение «вернуть мужа за тридцатник» ответила:
— Сотня.

Таня вспылила:

— Я за такие деньги гарем куплю!

Лера пожала плечами:

— На здоровье.

Сказала Гене:

— Пошли, что ли?

Он был подавлен.

Еще вчера ситуация казалась прикольной. Ну, продали за тридцатник. Его косяк. Таня, конечно, переборщила. Хотя он не против: Лера ничего... А сегодня развели базар. Даже не краснеют, будто его нет рядом.

Он встал из-за стола, не доев драник.

«А еще говорят: мужики — циники».

В прихожей снял любимые тапки. Хотел взять их с собой — в Лериных неудобно, но не стал: мало ли как отреагируют бывшая и нынешняя?

Надел кроссовки — Таня подала ложку.

В вечернем платье она была, как картинка.

С деланным безразличием сказала:

— В сумке — только летнее. На осень брать будешь?

Лера бросила:

— Пусть тут лежит.

И увела Гену, словно раба на поводке.

В лифте он мрачно размышлял, как докатился до этого.

Вспомнил давешний эпизод в ЕИРЦ.

Дедок жаловался Лере на мошенников:

— Позвонили. Представились: «Мы из расчетного центра». Говорят: «Сегодня крайний срок проверки водного счетчика. Осталось два часа». Спрашиваю: «А сколько стоит проверка?» Отвечают: «Семьсот рублей. Не снимем показания — будет штраф».

Старик вытер лоб пятерней.

— Я чуть не клюнул. В последний момент очухался. Взял телефон. Вот номер, — он передал листок Лере. — Сказал: перезвоню. Сунулся в ящик, где квитанции, а срок проверки — через полгода.

Ответ новой жены Гена не расслышал. Понял, о чем она, со слов деда:

— Я ей — о мошенниках, а она мне: «Это — тоже рабочие места». Совсем обнаглели!

Старик пошел жаловаться к начальнику ЕИРЦ. Вернулся расстроенный. Поделился с очередью:

— Сказала: «Забудьте. Мы с такими не связываемся».

... Дома, когда пили вино, Гена спросил:

— Ты правда говорила о рабочих местах?

Она кивнула:

— Если относиться философски, так и есть.

Он оторопел:

— Но ведь так нельзя?!

Лера чокнулась с ним:

— Почему? Каждый за себя.

Улыбнулась:

— Я — в душ.

И, чтобы успокоить Гену, сказала:

— Посоветовала ему идти в полицию.

...Они вышли из подъезда.

Горькую мысль сменила веселая: «После секса моя цена подскочила до сотки. Не все так плохо».

Сумка с вещами уже не казалась тяжелой.

Лера провела аудит способностей Гены. Поняла: мужик с руками. Дала объявление: «Муж — на час...»

Он уперся: «Я — гуманитарий».

Она усмехнулась:

— Кому они на фиг нужны, гуманитарии? Займись делом.

И дело пошло.

Не то чтобы Гена был нарасхват, но вызовы имел. Устанавливал дверные ограничители, вешал люстры, собирал купленные в ИКЕЕ шкафы и полки...

Сарафанное радио разнесло весть о сноровистом «муже». Появились состоятельные клиентки.

Лера шутила:

— Мне скоро не надо будет работать.

Брат Гены присвистнул, узнав, как тот зашибает деньги:

— С таким фаргом любая баба твоя. Бросай расчетный центр и живи влать.

Гена помялся:

— Я же продан.

Брат хмыкнул:

— Ты что ей — по гроб жизни обязан?

Он вздохнул:

— Я так не могу.

Гена привык к новой хозяйке, к ее прагматизму — на грани цинизма — и даже к ее псу, которого надо было выгуливать утром и вечером.

Таня, как шампанское, иногда — абсент. Лера — как водка.

Его новая жена вкусно готовила. Любила соцсети и концерты звезд — по телевизору. Говорила что думает. Жить с ней было просто: то, чего ему не хватало с Таней.

Лера не заставляла его делать, чего он не хочет. Кроме «мужа на час». Впрочем, он уже свыкся с новой ролью. Тешил себя, что востребован и может приносить деньги в семью.

За месяц шабашки не было ни одного нарекания.

Вечером Гена с Лерой отметили этот маленький юбилей.

Он рассказал, как поставил плинтус училке и подключил вытяжку фифе из рекламного агентства.

Лера угостила его собой.

Утром Гена проводил жену в ЕИРЦ.

Ждал зеленый свет на перекрестке, когда позвонила фифа, Анечка:

— Включила «Культуру», и на третьей ноте закапало.

Он подумал: «Откуда взяться воде? Разве что вытяжка прослезилась».

Не стал ерничать. Расспросил клиентку.

— Воды нет, — сказала фифа. — Просто звук, как от капель.

В тот день заказы были после обеда. Гена поехал к рекламщице. Проверил вытяжку и выдал заключение:

— Фильтр поет, когда ветер. Вот лепестки, видите? — показал устройство клиентке. — Если хотите, уберу.

Она спросила:

— А зачем фильтр?

— Чтобы воздух после готовки обратно в кухню не шел.

Анечка нахмурилась:

— У всех так?

— По разному. От модели зависит. И от цены.

Вздыхнула:

— Вот лоханулась. Думала сойдет. А она Менухина не любит.

Гена улыбнулся:

— Мне Иегуди нравится.

Фифа пристально посмотрела:

— Хотите чаю?

Через пару часов она позвонила Лере и предложила выкуп:

— Сто тысяч.

Та догадалась: «Фифа».

С самого начала понимала, что не удержит Гену. Но так не хотелось его отпускать...

«Продавать, так с музыкой. Машину куплю».

Сказала:

— Четыреста тысяч.

— Это Вы мне? — посетитель расчетного центра хлопал глазами.

Она поглядела на мужика с прыщиком на подбородке:

— Нет, не Вам.

Анечка не удержалась, хихикнула. И согласилась.

Хотя фифа получает прилично, Гена продолжает оказывать услуги населению.

Новую жену немного побаивается: гламурная. А так ничего.

От тусовок отказался: не того поля ягода.

Анечка сперва надула губки. Но не стала настаивать.

— Узнают, что ты у меня — мастер на все руки и ноги, — подмигнула Гене, — и уведут.

Иногда он навещает бывших. Ремонтирует кое-что — за так.

Таня однажды позвонила Анечке:

— Когда он тебе надоест, заберу за тридцатку.

Та рассмеялась:

— Только за миллион.

Качество жизни у Гены на порядок выше, чем раньше. Но он скучает по прежним временам. Особенно — по первой жене. Правда, возвращаться к Тане не хочет: ведь продала...

И еще: волнуется, что найдется богачка, которая выкупит его за миллион: «А вдруг уродина?»

В последнее время в глазах и в голосе Гены появилась грустинка.

Анечка говорит, что это ему идет. Подкальывает:

— Цена выше.

Круговерть

У Марии муж хороший. Только падает в одну и ту же лужу. А когда та высыхает, ныряет в ухабину.

Жижа, грязь, пыль. Да вечная песня:

— Маш, постирай.

На дороге колдобин до черта. Нет мозгов — выбирай любую. Ан нет: Сане приглянулась рытвина в ста метрах от дома.

Перешел плотину. Вверх, налево и — бац!

Соседка смеется:

— Верный он у тебя.

И отводит глаза.

У старшей сестры Марии муж хороший. Только бьется лбом о доску.

Городской. Приезжает раз в год. И забывает, что тропинка к деревянному дворцу с подвохом: то петух клюнет, то собака кинется, то доска поцелует.

Ему бы пригнуться, миновать на полусогнутых перекрытие между сараем и кухней. И — на зады, в туалет.

Но Веня идет на таран.

Нюша полирует шишку тройным одеколоном. А Саня лечит свояка самогоном. Клянется отодрать доску к чертям собачьим.

Слова, конечно, другие. Но, если дословно, Санин мат покроет рассказ, как снег землю.

Мария цыкает на мужа:

— Не плети.

Веня трогает шишку и морщится от боли.

До ночи помнит об опасности, а утром вновь бодает перекрытие между сараем и кухней.

Мария с Саней хохочут. Достают одеколон и самогон.

Нюша щедро смачивает вату: одеколон стекает по Вениному носу и капает на пол.

Он делает запруду: кладет ребро ладони на переносицу.

Нюша вздыхает:

— Ни стырить, ни покараулить.

У младшей сестры Марии муж хороший. Только трындит одно и то же. Уши вянут.

Поживешь с таким, и хоть в космос, хоть в Антарктиду. Лишь бы не дома.

Глаша терпела-терпела, заскучала и... переключилась. Теперь тягает штангу. Ездит на соревнования. И даже берет призы.

О муже не забывает. По утрам заставляет его пить воду с медом.

Федя сперва отказывался. И стал пропеллером: Глаша жонглировала им, как спичкой.

Теперь он шелковый. Делает все, что жена велит.

У двоюродной сестры Марии, Нюши и Глаши муж хороший. Только чудной: не дозовешься. Прячется в сарае, в саду или на задах и читает книжку. Раз даже на крышу залез. Надя его обыскала. Проверила все потайные места. Сбегала в низы, где он ловит рыбу. Нет Грини!

Всплакнула. Собралась бежать к сестрам — за подмогой. И тут к ногам упал обрывок старой газеты — закладка для книги.

Она подняла глаза и ахнула: муж сидит на крыше и хоть бы хны.

Гнев был праведный: Надю слышала вся деревня.

Гриня не слезал с крыши три дня. Лишь по ночам спускался в туалет, и — назад.

В конце концов она сжалилась. Пустила мужа в дом.

Он размяк и проболтался: Санька втихаря подкармливал его все эти дни. Приносил и самогон, но Гриня разумно решил, что в осаде лучше быть трезвым.

Зато освобождение отметили на славу. Жаль, Ньюши с Веней не было. Но с ними всегда так: магазины, театры и прочая дребедень.

У другой двоюродной сестры муж хороший. И тоже с пунктиком.

Вычитал, что на стопе есть точки, которые отвечают за сердце, легкие и другие органы. Если массировать, никаких врачей не надо.

Поверил. И теперь сто раз в день прокатывает ступней палку: от пятки до подушечек пальцев и обратно.

После этой процедуры постукивает себя по стопе и блаженно тянет:

— Масса-аж.

Однажды Вера с Петькой погнали корову на луг. Она — с подойником и тряпкой. Он — с ведром воды и двумя палками: одна, чтобы корову привязать, другая для ступней.

Вера ополоснула корове вымя, вытерла. Петька покатав ступней палку. Сел на травку. Стал постукивать стопу и петь:

— Масса-аж...

Корова наострила уши, занервничала и перестала доиться.

Вера накинулась на мужа:

— Колдун!

Рассказала сестрам, соседям.

С тех пор все зовут Петьку Колдуном.

У троюродной сестры Марии, Ньюши и Глаши муж хороший. Только любит баб.

Нина умная. Вечером наругается, а утром не отпускает его на работу, пока не помирятся.

Толик пишет жене расписку: «Больше не буду». Ставит число и подпись. Целует Нину и — за порог.

Таких расписок у нее целый ворох.

Вечером Толик приходит пьяный. Майка пахнет духами, каких ни в деревне, ни в райцентре не купишь. Ньюша привозит их подруге, Светке, из-за границы. А та, стерва...

Нина прижимается лбом к окошку.

Толик, гад, обходительный: никому отказать не может. Ни Светке, ни Катьке с соседней улицы...

Она в очередной раз дает себе зарок развестись с мужем. А утром требует с Толика расписку. Целует его и перед тем, как закрыть дверь, осеняет воздух крестом.

...Гармонь плачет и смеется. И замолкает — на перекур.

Мужики вышли на двор.

Бабы остались в доме.

Захмелевшая Мария оперлась подбородком о ладонь и жалится сестрам:
— Я была счастлива лишь в год пыльных вьюг, когда Санька не пил.
Нюша разглядывает старые занавески. Переводит взгляд на репродукцию Крамского, с которой надо стереть пыль. И думает: «Хорошо, что вырвалась отсюда».
Глаша встает из-за стола и делает планку.
Вера раздраженно смотрит на сестру: «Собралась, что ль, до утра так корячиться?»
Надя улыбается: любит семейные посиделки. Все такие разные и родные.
Нина обнимает Марию:
— Зато ты не одна.
Мужики, как и бабы, — кто о чем.
Санька узнает у Колдуна, какая точка на ступне отвечает за печень.
Федя трюндит о политике.
Веня с Гриней обсуждают Чехова.
— Палыч не любит людей. Сострадания мало, — говорит Гриня.
Веня закипает:
— А Дымов?
— Ну, разве что Дымов.
— А Фирс?
Толик разряжает спор самым надежным способом — самогоном.
Мужья возвращаются в дом.
Федя подходит к застывшей в планке Глаше и гладит ее по голове:
— Самоходочка моя, вдарим по американцам!
Та вскакивает, хватается мужа за руки и кружится с ним по зале.
Санька разливает самогон.
Выпивают без тоста: и так хорошо.
Нюша смотрит в окно.
Раньше в залу заглядывала береза, но пару лет назад ее пришлось срубить: корни стали точить фундамент.
Вера разглядывает Нюшино кольцо.
Колдун катает ступней палку.
Мария командует:
— Санька, гармонь!
Не дожидаясь первого аккорда, выводит:
— «Виновата ли я, виновата ли я?»
И вместе с Ниной:
— «Виновата ли я, что люблю?»
Санька поймал мелодию.
Дюжина голосов гремит на всю улицу:
— «Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему?»
— Не деревня, а идиллия.
Внучки смеются над бабкиными сказками.
Мария вскинулась:
— Деревня нарядная...
Осеклась: «Не поймут».
Бормочет про себя:

— Была нарядная, когда мы были молодые...

Теперь жизнь другая, колючая.

Хочешь поговорить — иди на погост. Санька, Глаша с Федей, Надя с Гриней, Вера с Колдуном, Нина с Толиком — все там.

Лишь она да старшая сестра с мужем коптят небо.

Нюша с Веней забыли дорогу в деревню.

— Старые, — говорят. — Не доедем.

А Мария, считай, отсюда не выезжала.

...Она идет на кухню ставить чайник.

Кричит:

— Караул!

Слетаются дочь и внучки.

Выбегает из комнаты зять — неработень: ни косить, ни забор поправить. В руке — утюг: отбиваться от бандитов. На лбу — шишка: Венина доска утром поцеловала.

— Караул! — кричит Мария. — Спички кончились.

Внучки смеются, а для Марии — беда.

Единственный магазин в деревне закрыли. До райцентра не дойти. Такси — двести рублей. Вот и жди оказии, когда соседи подвезут, или одалживайся у них — по мелочам.

Сегодня пронесло: неработень смотался в райцентр и привез что нужно. А через месяц?

Дети далеко: приезжают несколько раз в год на неделю-другую. В остальное время — одна.

Сил все меньше, даже от кур пришлось отказаться. А были коровы, козы, индюшки, утки...

Все было...

Дочки зовут в город, на все удобства. Мария уперлась:

— Пока ноги держат, не поеду.

Справляется с Божьей помощью.

Когда тепло — на огороде. А с октября по апрель тоскует.

Капризничает: все ее бросили. Хотя дочери звонят по несколько раз на неделе и морозилка забита по самую хряпку.

...Мария сидит на крыльце. Водит прутиком по дорожке — от бархатцев к лилиям и обратно. словно волшебный лекарь прописал ей эти видения. Стер плохое из памяти и оставил милоту.

Круговерть чудная — с путаницей.

Книжку на крыше на самом деле читал Санька. И прятался от Марии на дереве, и расписки писал тоже он... А штангу тягает Глашина внучка — бабка баловалась гирями.

Ну и что с того? Ее воспоминания. Как хочет, так и тасует их.

Сама же и смотрит кино. Радует:

— Как на яву.

...Будет гроза.

У Марии железное правило: в эту пору нельзя включать телевизор и пользоваться мобильным.

Страх перед молнией мистический: в молодости она пряталась с Санькой и детьми под кроватью в дальней комнате.

Дети выросли, разъехались. Мужа нет уже десять лет.

А громоотвод — за полвека — так и не сделали.

Мария ворчит:

— На кой он нужен? Ни у кого в деревне нету, а я буду ставить?

Трехлетняя Аня тоже боится грозы. Залезла под стол. И там спряталась под одеялом.

Дождалась, пока отгремит гром. Вылезла из укрытия. Смотрит на Марию:

— Когда снова приеду, дома не будет.

Прабабка всплеснула руками:

— Куда ж он денется?

Аня удивлена непонятливостью Марии:

— Разрушится.

Та смеется:

— Мы ж его с дедом Саней строили, — кивает на стену. — Вишь, какой крепкий?

...Она гладит взглядом две туи у калитки.

«Санька говорил: "Это — мы с тобой"».

«Так и есть».

Мария улыбается: «Он всегда рядом».